

Алексей Черницын

**СОХРАНИ МГНОВЕНИЯ
ДЛЯ ДРУГА**

Алексей Черницын

Сохрани мгновения для друга

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68859714

SelfPub; 2023

Аннотация

По непонятным причинам вступительные экзамены не относят к студенческой жизни. А напрасно! Отсюда начинается полная и необыкновенная жизнь, укладывающаяся в несколько лет. В которой осень, зима и весна посвящаются только учебе. И для нее же – еще маленький кусочек лета. А потом все повторяется снова, обрастая бесчисленным множеством легенд, домыслов и слухов. Поверьте, что никогда голодный студент не будет думать о какой-то эротике. А летом студент исчезает. Будто растворяясь в поднимающемся с асфальта городских улиц мареве, а потом уносится со случайно залетевшим из далеких мест ветром. Тяжело быть студентом! Приключения, хвосты, нехватка денег, любовь и одновременно ожидание огромного и прекрасного будущего.

Алексей Черницын

Сохрани мгновения для друга

Бывшим студентам посвящается

И чудо первого звонка,
И осознание любви,
И даже звание студента
В уставшем сердце сохрани.

По непонятным причинам вступительные экзамены не относят к студенческой жизни. А напрасно! Отсюда начинается полная и необыкновенная жизнь, укладывающаяся в несколько лет. В которой осень, зима и весна посвящены только учебе. И для нее же – еще маленький кусочек лета. А потом все повторяется снова, обрастая бесчисленным множеством легенд, домыслов и слухов. Но вы, по крайней мере, поверьте, что никогда голодный студент не будет думать о какой-то эротике. А летом студент исчезает. Будто растворяясь в поднимающемся с асфальта городских улиц мареве, а потом уносится со случайно залетевшим из далеких мест ветром. Тяжело быть студентом! Приключения, хвосты, нехват-

ка денег, любовь и одновременно ожидание огромного и прекрасного будущего.

ПРОЛОГ

По календарю 2 сентября 198... года – первый учебный день, с которого начинается в институте абсолютно все: знакомства, учеба, успехи, неудачи. И только много позднее появляется необъяснимо четкое понимание, что такой день бывает только один раз за всю вашу жизнь. Попробуйте внимательным взглядом найти хотя бы одного грустного студента. Сегодня на занятиях их не будут гонять и ставить оценки, а стоящие с другой стороны преподаватели будут всеми силами стараться не отпугивать молодежь. Пускай она поверит в себя, в этот вуз и даже в то, что нынешних студентов ожидает замечательное и светлое будущее. А здесь они делают первые и робкие шаги в своей жизни. И смотрят с доверием на этих людей в возрасте, стоящих на импровизированной трибуне. Она так пышно укрыта слоями искусственных цветов, самодельными выкройками плакатов и надписей и пытающимися взлететь разноцветными шариками, что никто не увидит в этом великолепии обыкновенное крыльцо институтского здания. А перед крыльцом стоит толпа первокурсников – это их первая линейка. В их глазах – истинное почитание и уважение к старшим, и горячее заверение, что они готовы и будут учиться. Всего этого хватит надолго. По крайней мере,

на ближайшие пятнадцать минут.

Сегодня их праздник, на котором отброшенные назад воспоминания о школе позволяют считать себя вполне взрослыми людьми. И вести себя или хотя бы одеться в соответствии со своим новым статусом. Окиньте взглядом маленькую площадь. Чего здесь только не увидишь. Мальчишки уверенно и демонстративно перекладывают из кармана в карман сигареты и зажигалки, почесывают площадку над верхней губой и, понижая уровень звука, рассказывают настоящие пикантные анекдоты. Впрочем, задолго до возвращения домой запретные вещи придется прятать от родителей. Да и длительное стояние перед зеркалом в конце дня так и не выявит значительное увеличение растительности, называемое усами. Но если вы получили койку в общежитии, то вам тем более не до сигарет. Найдутся более злободневные проблемы.

Но зато все единодушны в исследовании других вопросов. Еще бы. Началось время первых смелых опытов с декольте и разрезами на юбках. В те далекие времена, сейчас их называют советскими, достаточно строго относились к вольностям в одежде. Но ведь здесь на площади стояли люди, возраст которых требует и кричит – бунтовать и не соглашаться с установленными непонятно зачем, неудачными и откровенно идиотскими правилами. И отбрасывая в сторону все противоречия и запреты, не прибегая к пошлым маневрам, хочется показать себя в самом хорошем виде и привлечь внимание лиц противоположного пола. А они почему-то смот-

рят на трибуну. Странно.

Все, что нужно – внимание, понимание и хитрость – придут потом, рука об руку с временным ужасом сдачи экзаменов и зачетов. И даже вместе с озарением, что глубина выреза на груди – это тоже оружие, но только действующее в конкретной обстановке и в нужный момент. А иначе может не сработать или вызвать настоящий взрыв – эмоций и осуждения. А потом придется оправдываться. Но только не сейчас.

А на трибуне перед преподавателями появляется ректор. Модный мужчина. Режет глаза сочетание малинового пиджака и черных брюк, и остроносых туфель ячеистой кожи. Бедный крокодил? Ну, не должен ни перед кем объясняться и оправдываться человек, побывавший в Париже. Каком? В самом настоящем – с Эйфелевой башней, Нотр-Дам де Пари и огромным запасом нераспроданных и модных товаров. А у студентов шок, но не успевает ректор завершить свою пламенную речь, как его костюм в глазах студентов становится таким же атрибутом высшей школы, как доска, зачетка и расписание занятий.

Тем более, что мысли большинства девушек заняты более актуальными вопросами. Подойдите поближе к любой и вслушайтесь повнимательнее. Как же кричат ее мысли. Что у нее ножки стройные, они тоньше и привлекательнее, чем у той нелепой девицы в соседней группе. Да-да, вокруг которой столпилась маленькая толпа. И вырез на груди у которой даже не грубый, а вульгарный и кричащий. Проще было сра-

зу вытащить грудь целиком и на всеобщее обозрение. А где же загадка? Та самая, которая мило прячется как раз у нее, девушки с кричащими мыслями, под выставленной на всеобщее обозрение ложбинкой девичьей груди. Впрочем, можно пока обойтись и без загадки. Потому, что необходимо срочно определиться с текущими пристрастиями: ростом, шириной плеч и наличием мужественного лица. Последнее очевидно. Но какая может быть мужественность у вчерашнего десятиклассника? И вот результат. Там, где невозможно провести анализ других и оценку самого себя, беззастенчиво включает свои рычаги и датчики, а потом еще и кричит в самую середину мозга сама природа.

Так о чем говорил ректор? Да, конечно, они будут учиться. И, кроме того, пропускать занятия, и пересдавать зачеты и экзамены, и стараться, и ошибаться, и надеяться. А в учебных перерывах – еще и любить. Причем девушкам будут больше нравиться студенты со старших курсов. А они – те, кто постарше – собирались сегодня в другом месте.

ГЛАВА 1. КОМУ СЕЙЧАС ЛЕГКО

Начало

В какие века сложилось глупое и абсолютно не подкрепленное жизнью мнение, что главное – это поступить. Любым способом, стиснув зубы, а в некоторых случаях превращая

на множество часов стул и собственную задницу в единое целое. Впрочем, у некоторых получается. А теперь нужно получить вожаденные оценки. Наверное, в наше время разгула новых требований к поступлению, это не так и просто понять. Нынешнее ЕГЭ – это не то, что применялось и практиковалось раньше. А что будет лучше – люди поймут не сразу, и не скоро. Для многих людей ругать новую методику в образовании и критиковать Сталина – почти одно и то же. Хоть хлебом не корми. Надо бы что-то свое создать, новое, но только некогда. Ругать надо.

А высшее образование требует размышлений. Главное, оценить свои собственные силы и дополнительные возможности. По всем направлениям сразу. И скромным и застенчивым проблеском появляется пока еще слабая, но все равно надежда: у одних – на собеседование после службы в армии, у других – на очарование голубых или зеленых глаз, у третьих – на дядю Рому из соседнего подъезда. Впрочем, и карие ничем не хуже. Как нужно строить глазки? Все просто – направить их вниз, потом вверх, а потом – на объект. Хуже всего, когда принимающий экзамены преподаватель смотрит в другую сторону или ему давно уже безразличны форма и цвет девичьих глаз. И бывает обидно, что люди, унылым потоком идущие по улицам, никогда не поймут или давно забыли, что все ваши ухищрения сводятся только к одному – появлению в списке принятых вашей фамилии. Да и имени с отчеством тоже. А вдруг однофамилец перебежит дорогу.

Иванов Иванову. Сидоров Сидорову. Или, как вариант, Сидоров Петрову, совершенно забыв, что они не однофамильцы.

Михаил Петров с самого детства был жутко неуверенным человеком. Таким по жизни должно быть очень плохо. Но только не ему. Всю свою энергию он вкладывал в учебу, в книжки и занятия. Одним словом, в получение знаний. И даже передачи, которые он смотрел по телевизору, должны были нести хоть какой-то познавательный аспект. А в отношении второго пола? Все правильно – третьего у нас нет. Почти все девчонки в старших классах, пожалуй, лишь за исключением задаваки Василисы, стремились заручиться дружбой странного и неуклюжего парня. А у кого реально можно что-то списать, если большинство пацанов откровенно готовились выйти после десятого класса в «профессиональный коридор» для получения специальности. И, наоборот, большинство девчонок, как будто в едином и дружном порыве почувствовав необходимость заполнения способных оставаться пустующими институтских мест, мечтали о высшем образовании.

Авторитеты бывают разные. Один нарастил мускулы, у другого папа и мама, или кто-то из них в отдельности, может сделать или достать что-то необыкновенное, а третьи проявляются в самых интересных для девушек областях – игре на гитаре, саксофоне или в спорте. А Мишка стал авторитетом в физике, математике, литературе и всех других предметах.

Ну, естественно, кроме физкультуры. Но и здесь были явные достижения. По крайней мере, местный физрук – Дим Димыч, после полугода возмущений физика, математика и других представителей уважаемых предметов и дисциплин, махнул рукой и на все пожелания отвечал односложно:

– Берите журнал и ставьте сами. Надоели!

Таким образом, к середине выпускного десятого класса при обращении к Петрову с одной стороны звучало ласковое:

– Мишенька!

А с другой, мужской, грубоватое:

– Слышь, Миха, ты же знаешь...!

Но, главное, все слова произносились без всяких подозрений на издевательство. Да и есть ли смысл пытаться говорить гадости или подковырки мягкому и застенчивому парню в очках, если он и так старается помочь каждому, кто бы ни обратился к нему. Точно также покладисто он согласился со своим отцом по вопросу выбора института.

– Слышь, сынок, я всю жизнь мечтал быть механиком.

Мать, не видевшая ничего, кроме домашнего хозяйства, и всю жизнь безропотно соглашавшаяся с отцом, только кивала головой. А вот медаль Мишка так и не получил. Преподаватель русского и литературы – Анна Иосифовна – при всех назвала его «бабником», вызвав недоумение женской части класса и возмущение мужской. Но, все равно, по сочинению «пять» он так и не получил. Потому, что не полностью осознал основные мысли и выводы, сделанные когда-то самим

Достоевским. Естественно, что в редакции и по расчетам Анны Иосифовны. Зато на выпускном вечере директор школы объявил Мишку рекордсменом по сбору женских поцелуев – все, теперь уже бывшие, ученицы его класса, при каждом удобном случае прикладывали свои ярко раскрашенные губы к его щекам. И он почти беспрерывно стирал появляющиеся на лице разноцветные следы своим пропомаженным платком, чувствуя все большее раздражение от происходящего. К окончанию вечера Мишка добросовестно спрятался от благодарных девчонок в открытой школьной столовой. Но и там его нашла изрядно запьяневшая Валька. Заметив Мишку за решетчатым ограждением буфета, она решительно прошла к нему и почти впилась своими подплывшими губами в его. Когда она завершила процесс, оторвавшись от расцелованного Мишеньки, тот остался стоять ошарашенный и лохматый. А Валькины подруги решительно и уверенно заявили, что впервые за десять лет учебы на ее лице появилось необычайно задумчивое выражение.

Знакомство

Студенты любят рассказывать: «все спали на занятиях и я спал, потом все сдают, а я нет». В любом случае, самый странный вопрос, который в разных вариантах словосочетаний, но чаще всего задают преподаватели на занятиях – вы что, спите?

Возможны варианты и перестановки слов, но смысл остается таким же. Вы только подумайте. Ведь студент спит, чтобы набраться сил и потом в едином и мощном порыве выдать всю накопленную духовную и физическую энергию в период экзаменационной сессии. И поэтому больше всех страшит как раз не она, а накопленная куча лабораторных, разных заданий, расчетно-графических и иных работ. Потому что силы нужно беречь и появляются откровенные сомнения – а хватит ли их? И начинается беда. И тогда самые практичные пытаются «упасть на хвост» лучших представителей студенчества.

Алла Сиденкова вычислила этого парня в течение первых двух дней и уверенно наложила на него лапу. Достаточно большое количество девушек едва не вызвало военное столкновение с целью взятия неподготовленной к боевым атакам крепости – очкастого и доверчивого Мишки. И как раз здесь сработал военный гений Аллы. Пожертвовав всего лишь двумя лекциями, она мягко и ненавязчиво запугала скромного парня. Уже на второй день все представительницы женского пола представлялись в его глазах страшными и опасными существами. Как что-то среднее между средневековыми ведьмами с их заклятиями, магией и страшными колдовскими артефактами и достопримечательностью его двора – дворником дядей Васей – который гонялся с метлой за местными хулиганами. Постепенно уровень алкоголя в его крови позволял причислить к этому враждебному со-

словию даже играющих в футбол мальчишек. И когда возмущенные родители шли разбираться по факту грубого попрания прав детей, протрезвевший дядя Вася доставал свой магический артефакт – пустую бутылку. А потом долго и почти сказочно доказывал, что ее он выпил так давно, что уже и не помнит. Правда он всегда путался в датах, и получалось, что это произошло где-то в период между сдачей Москвы Кутузовым и окончанием школы самим дядей Васей. Поскольку последний факт был недоказуем на официальном уровне и не зафиксирован в правовых документах, то родители оставались ни с чем.

После многочисленных бесед с Аллой Мишка долго и упорно анализировал, кто, все-таки, страшнее – ведьма или дядя Вася? Но когда Алла пригласила его погулять, забылись оба страшных персонажа. Он долго ждал ее на выходе из учебного городка. А когда она появилась, он немедленно ринулся ей навстречу. Мишка не заметил, как круто развернулся идущий вслед за нею студент.

– Зови меня Алкой, – милостиво разрешила подруга, – меня так баба зовет. Что так смотришь? Баба – это бабушка. У нас так. А с ее подачи и родители. Ну и что? Я не возражаю.

Еще на входе она сама взяла Мишку за руку. Как младшего брата или абсолютно родного человека. И Мишкино сердце растаяло, а ему самому захотелось либо петь, либо громко-громко кричать. Они гуляли целый час, а потом он проводил Алку до троллейбусной остановки. Ждать пришлось

недолго – через пять минут он старательно махал ей рукой, а она улыбалась ему, стоя у заднего окна.

Друзья

Мишка с трудом вспоминал, как в его жизни появились два Жэ – Женька и еще один Женька. Один большой и сильный, вернувшийся из армии в непонятное время, по его собственным словам, а второй – любитель приключений и девушек, успевший до поступления в институт целый год проработать на заводе.

Вначале познакомились два Жэ, быстро найдя общие интересы. Мишка появился позднее, когда его остановили недалеко от институтского городка несколько парней и попросили, именно так и не иначе, сдать в их пользу лишнюю мелочь. Лучше всю разом. Мишка дал только одну монету и ему тут же выдали сдачу – от удара он закинул голову назад и, теряя равновесие, начал заваливаться на землю. Когда он с трудом поднялся, обиженные его подростки неслись вдоль по улице, а им вслед смотрел высокий и плечистый парень. Только через минуту он развернулся в сторону Мишки и удивленно произнес:

– А ты чего лежишь? Удара-то толком не было.

А у Мишки жутко гудело в голове. Он даже не успел поблагодарить своего спасителя. Впрочем, тот сам подошел на следующий день в институте.

– Ты живой? Видишь, какое дело. Я в армии подзабыл все, совсем малость. А многое и не знал. Поможешь?

Он широко улыбнулся. И Мишка закивал головой с усердием заводной игрушки. Через две недели кто-то впервые сказал «Жэ-эМ-Жэ». Сокращение подхватили. Сейчас эта аббревиатура имеет совершенно другой смысл, но извращение это или способ получить наслаждение решать вам самим. А в те годы это был символ или даже настоящий бренд дружбы. В котором одно Жэ означало Женьку, а второе для отличия обозначили Жекой.

Даже со стороны трио только странным образом вписывалось в существующие понятия дружеских отношений. И лишь институтский психолог подчеркивал, что два будущих мужчины взяли на воспитание большущего ребенка. А вот кто был в качестве ребенка – мнения расходились. И опять-таки, сам Мишка считал в качестве такового именно себя. Правда, очень странно, что его это не трогало, не обижало и где-то даже нравилось. Если бы не его Алка. А вот здесь и начинались проблемы.

В рамках человеческого отношения к красоте эта девушка не отличалась особыми показателями. Привлекательная фигурка и сопутствующая молодости свежесть – вот, пожалуй, и все основные положительные и значимые моменты в ее внешности. Недаром говорят, хочешь кого-то разлюбить или не полюбить – найди в этом человеке внешние недостатки. Но для Мишки Алка была одним единым достоинством.

И его друзья из вежливости отказывались с ним спорить. Казалось, что он согласится только на одну возможную замену – пусть его девушка состоит и не из одного, но, по крайней мере, из одних только достоинств.

Сложно сказать, откуда началось неприятие со стороны двух Жэ одной Алки, причем не такой уж и большой по размеру, однозначно уступающему даже одному Жэ. То ли сработало отрицание попытки монопольного права использования мозгов Мишки, с одной из сторон, то ли несвоевременно выяснилось какое-то различие в полах. По крайней мере, даже Жека не смог добиться от этой девушки взаимности. Было только непонятно, а нужно ли это ему?

Жеке повезло и не повезло одновременно. Воспитанный интеллигентно-демократической теткой, искусствоведом, он с самой детской поры решал почти все сам. Пока тетка бегала по музеям и художественным галереям, огромная квартира, обставленная антиквариатом, находилась в полном распоряжении обычного школьника. Но Жека был достаточно хитер, чтобы не переступить ту самую черту, после которой могут не выдержать нервы даже у его равнодушной к любым эксцессам тетки. А если он и дарил знакомым мелочи, типа серебряной ложки, то никто на это не обращал никакого внимания. Тем более, что его галерейная тетка возвращалась из своих походов ближе к утру. Обнаружив, что пропала ложка или вилка, она анализировала ситуацию не отошедшей от ночных приключений головой и, практически всегда, делала

очевидный для нее вывод:

– Наверное, опять с мусором выбросила.

Самая надежная защита одинокой женщины – быстро забывать все неприятные моменты. Но скандал, все-таки, произошел. Жека жутко краснел, отводил глаза в сторону, но отчетливо произносил слова куда-то в сторону от впервые перешедшей в разъяренное состояние тетки. Да еще и вооруженной старинной армейской портупеей. Он растягивал слова, периодически затекал на все лицо краской стыда и мямлил. Но он же не знал, что эта вытащенная из-за шкафа картина принадлежит кисти великого русского художника. А ведь подружка из соседней квартиры показала настоящий стриптиз. И не вознаградить ее было просто нельзя. Да и за все, что произошло потом – тем более. Никогда, до такой степени отчетливо и ясно перед Жекой не замаячил призрак обыкновенного и потому ужасного детдома. Даже настоящие, такие редкие на его нагловатой мордашке, слезы с жуткой периодичностью стали стекать вниз по лицу. И как раз в этот момент раздался голос тетки:

– Боже мой. А я-то, старая дура, совсем не заметила, что ты уже вырос.

Голос был отнюдь не осуждающий. Скорее, даже наоборот, у любого человека со стороны могло родиться и укрепиться четкое представление, что тетка окончательно и бесповоротно раскаялась в своей проступке. И уже через несколько мгновений его мокрые от слез глаза покрыли

нежные поцелуи любящего человека. Тетка настолько сильно осознала свою вину, что немедленно привела себя в порядок, потратив на это всего лишь минут сорок, схватила своего племянника и потащила в кафе – то ли праздновать его возмужание, то ли откровенно опохмелиться после бурной ночи.

Никогда Жека больше не переступал острую как бритва черту вседозволенности. И то главное, что он вынес из своего маленького приключения, заключалось только в одном – тетка его любит, а потому не надо разрушать это чувство. И она для него больше не тетка, а его тетя Лиза. Эта маленькая мудрость мальчишки так и осталась в нем на всю последующую жизнь.

Переговоры по возвращению картины проходили в состоянии длительной холодной войны и сопровождаемые угрозами обращения в милицию. Пока один из соседей не предложил воинствующим сторонам компромисс, и изделие дореволюционного мастера не нашло постоянный приют в расположенном недалеко музее. Рядом с картиной выставили небольшую табличку с фамилиями и инициалами дарителей – отца девушки и тетки. По поводу вторичного расположения теткой фамилии война была готова разгореться с новой силой. Но, и это неожиданно для нашего времени, мужчина оказался истинным джентльменом и уступил даме первое место. Они даже отпраздновали это событие вдвоем. А когда на квартиру к тетке прибыла его жена,

сцена, почти по Станиславскому, украсилась не только третьим действующим лицом, но и замечательно правдоподобным скандалом.

Почему люди не понимают самого главного – если тебя любят, то самое лучшее – это попытаться идти навстречу. А иначе наступит время, когда полюбишь ты сам. И тогда будет совершенно непонятно, что будет делать в ответ измотанная невниманием «вражеская» сторона. Кем она тебе станет: другом, товарищем или настоящим и верным спутником? Впрочем, и первое, и второе, и третье, и даже внезапно появляющееся нечто промежуточное – четвертое – всего лишь временные состояния. И Жека всегда и уверенно шел навстречу. Даже когда его не любили. И ведь потом получалось.

Как только на первом курсе начало оформляться странное по всем параметрам трио, в теткиной квартире, хоть и изредка по выходным дням, стали, когда по очереди или все вместе, появляться представители Жэ-эМ-Жэ. Но, как ни странно, тетя Лиза оказалось даже рада усилению боевых порядков своих знакомых. Она даже находила в себе силы погладить по голове маленького по росту Мишку, называя его будущим гением. В отношении самого большого из друзей – Женьки – в ее голосе немедленно появлялась жуткая смесь из возмущения и, одновременно с этим, настоящего восхищения:

– Этот балбес...!

И когда он приходил, тетка всегда не отказывала себе в удовольствии окинуть его фигуру с головы до пят. Впрочем, иногда это направление менялась, а в самых знаменательных случаях тетка просто останавливала свой взгляд где-то на уровне средней трети Женьки и замирала, видимо обдумывая способ зачатия своего нового литературного шедевра.

На самом деле с Женькой было все сложнее. История умалчивает, какой волшебник, а может быть глупая фея, целая стая оборотней или крупных драконов приложили здесь свои навыки. И своими дружными усилиями ухитрились заставить – обалдуя, обормота и негодая Евгения Сурменко – окончить среднюю школу. Но, видимо, магия, все-таки, что-то может и в нашей жизни. И когда в разгар выпускных экзаменов в десятом классе Женьку вызвали в отделение милиции, он обнаружил в кабинете, помимо начальника, еще несколько человек. Даже директора школы. Но первая мысль, что его начнут прорабатывать, оказалась неверной. Подполковник вначале тщательно застегнул все пуговицы кителя, из уважения к собственной персоне подергал себя за правое ухо и только после этого начал свой монолог:

– Семнадцать приводов. Но любит учиться. В девятом классе – целых два года. Мы тут подумали, но сразу скажу – вариантов у тебя только два. Начну с более правильного. Это из твоих поступков. Видишь машину?

Женька, а вместе с ним, совершенно произвольно, и все присутствующие, развернул голову в сторону большого ок-

на. По открывшейся панораме дворика медленно выезжал ГАЗ-51 с кунгом. К решетке на задней двери тесно прижмалось чье-то лицо.

– Так вот, – продолжил начальник отделения, – прямо сейчас в суд, а там бумаги готовы. Один, максимум в два дня, процесс, и ты летишь, то есть едешь на похожей машине. А может и сразу. Смотря откуда. Ну а дальше, сам понимаешь.

Начальник опять начал собираться с мыслями. Присутствующие солидарно помалкивали.

– Так вот я о чем. Есть и второй вариант. Я звоню, решаю вопросы с военкоматом. У них как раз то ли недобор, то специальный добор. Сегодня – отправка. Экзамены, черт с ними, за тебя вот он сдаст.

Подполковник кивнул директору. Тот едва не вскочил и согласно закивал головой.

– Ну, так как?

Вид отъезжающей машины тягостно остался в мыслях Женьки. Он понял, что раздумывать ему долго не дадут.

– А можно я домой схожу?

– Нет, – почти единым возгласом раздалось сразу несколько голосов.

Через полтора часа милицейский УАЗик проскочил привокзальный шлагбаум и выскочил на маленькую служебную стоянку. Приезжающие и отъезжающие лица – кто с интересом, а кто и со страхом – смотрели на высокого парня в наручниках, которого сопровождали два милиционера.

У подцепленного к поезду плацкартного вагона курил высокий худощавый старший лейтенант в обычной пехотной форме.

– Это вам, – заявил один из сержантов-милиционеров, подталкивая вперед Женьку.

– А на ... он мне нужен, – мгновенно среагировал старший лейтенант.

Он некоторое время мрачно смотрел на растерянное лицо сержанта, а потом махнул рукой:

– Запускайте. Э-э, наручники снимите. Это нарушение. А кстати, где его вещи и документы?

Один из сержантов услужливо подsunул тощую папочку, а освободившиеся руки развел в сторону:

– Вышлем. А кстати, вот и его аттестат.

– Ну-ну, – старший лейтенант, не глядя на милиционеров и Женьку, скрылся в вагоне.

Вот так, всего через трое суток в пути, Женька попал в хозяйственный взвод. Впрочем, по его словам ему там даже понравилось. Но через два месяца произошла драка. Причины, порядок протекания самого процесса, а главное результаты оказались скрыты похлеще, чем тайна убийства президента Кеннеди. А Женьку, то ли от греха подальше, то ли за показанные практические навыки и уровень физической подготовки, отправили в разведроту развернутого рядом на учениях десантного батальона. Как все было на самом деле – почему-то он не очень любил рассказывать.

Главное другое. Когда закончился срок службы, сержанта Сурменко снабдили специальной путевкой для поступления в институт, а командир роты пообещал прилюдно, что если он – Женька – ухитрится не поступить при такой поддержке, то его... Далее шли только специальные военно-технические термины.

До сих пор неизвестно, знал ли о реальной угрозе личности ректор, но посмотрев на Женьку в четвертый раз, он глобокомысленно сложил в несколько раз лист сдачи экзаменов.

– Мы не можем не принять мужественного десантника. Он Родину защищал.

Стоящая рядом секретарша Рая оценивающе посмотрела на Женьку и немедленно закивала головой.

Замолвите слово за бедного студента

Никто точно не знает, почему на первых же лекциях выявились два борца за здоровый сон. Приученный жизнью хитрить, Жека в любой аудитории находил «мертвую зону», в которой его спящий силуэт оставался незамеченным преподавателями. В сравнении с ним было удивительно, что прошедший хорошую школу боевой выучки Женька, как нарочно, занимал самое обзрваемое место. А вот дальше происходило еще более удивительное – большинство преподавателей, как будто под действием волшебных чар, старательно отводили глаза от зоны размещения спящего студен-

та. Проспав полчаса и окончательно восстановив свои силы, Женька обычно встряхивался и всем своим видом начинал нарабатывать авторитет на будущее. Поднимая и опуская голову, он одновременно старательно заносил в свои конспекты пушки, девушек и даже чертей. И далеко не первый раз преподаватели, кинув взгляд на широкоплечего студента, с удовлетворением кивали головой.

Благодея на ниве профессорского, доцентского и просто преподавательского отношения Женька здорово расслабился. И как раз в это время в группе стал проводить занятия доцент Коробов. Опрометчиво считая материаловедение второстепенным предметом, Женька четко представлял, что прочность дерева значительно уступает показателям стали, а остальное его не волновало. До самого экзамена.

Как обычно перед занятием в аудитории образовалось две мертвые зоны: одна естественная – вокруг Жеки и вторая – рядом с Женькой. Дополнительным фоном к постановке последующей драмы оказалось значительное преобладание женского состава группы. Ввиду недостаточной внимательности к проблемам своих товарищей никто не удосужился зафиксировать, кто из двух Жэ уснул раньше. Но зато первый прямой и сильный удар был нанесен точно по Женьке.

Казалось, доцент Коробов долго не желает замечать, что в аудитории кто-то демонстративно спит. И все отлично понимали, что неумолимо приближается тот самый момент, когда выпавшийся Женька должен проснуться. Но момент ответа

наступил чуть раньше, по расчетам некоторых сокурсниц – не более, чем на пять минут. А вопрос преподавателя прозвучал резко и неожиданно:

– И сколько вы собираетесь спать? Я к вам обращаюсь.

Интуитивно спасая Женьку, почти весь поток начал крутить головами и старательно осматривать друг друга в очевидной попытке выявить уснувшего на лекции наглеца.

– Я к вам обращаюсь, товарищ студент.

После этого уточнения головы продолжали крутить только лица мужского пола. А их, как уже отмечалось выше, было намного меньше. И как целая гора на ровной площадке среди них просматривался большой Женька. Особенно в обрамлении зафиксированного на нем грозного острия указки. Многие говорят, что человек своим биополем чувствует, когда на него направляются взгляды других людей. В подтверждение этой надбиологической теории Женька проснулся.

– Вы встаньте, пускай на вас посмотрят все остальные.

Женька пригнулся к столу и резко вытянулся во весь свой рост.

– Ого, – сразу отметил доцент, – такой сильный мужчина и спит. Вы только посмотрите кругом – вы единственный.

Доцент говорил достаточно тихо, что исключало возможность пробуждения Жеки. Но постепенно голос Коробова все больше и больше распалялся.

– Ну, так объясните все, что происходит. Что вас может оправдать?

Почему в разговор двух лиц попыталась вмешаться Надя Малышева – непонятно. Но когда ситуация накалилась до предела, а перед Женькой засветила возможность получить серьезную неприятность, послышался голос одной из самых ехидных девушек на первом курсе. Не вставая с места, Надя подсказывала:

– Он, наверное, всю ночь работал.

Не расслышав ехидные смешки с места, Коробов сразу переспросил:

– Как работал?

– А как может мужчина работать, – изгалялась Надя.

– Так это же здорово, – почти восхитился Коробов, – настоящий мужчина и должен работать. Только на занятиях нельзя спать. Я надеюсь, что это в последний раз.

Женька убедительно соглашался, что больше такого не повторится. Коробов согласно кивал головой и даже зашел в пространство между двумя рядами столов. Поворот его головы на этом месте разрушил давно сложившуюся мертвую зону, в которой мирно и безмятежно продолжал спать Жека. Он, поднятый во вторую очередь, до конца первого часа пытался объяснить случайность происшедшего. Но подкинуть идею, что он, как и Женька, всю ночь работал, никто не стал. К концу занятий Жека самостоятельно вывел новый потрясающий закон:

– Наличие мертвой зоны – выдумка бестолковых военных.

Правда, перед каждым таким заявлением он внимательно высматривал наличие поблизости Женьки.

Мирное сосуществование

Если бы не активность двух частей – двух Жэ – из троицы, то дружба должна была развалиться где-нибудь не далее второго семестра. Но все спасала одомашненность, как говорил Женька, воспитанника троицы – Мишки. Этот неприспособленный к жизни человек пытался изображать губку, впитывающую в себя мораль и повадки своих старших, даже и по возрасту, товарищей. Но приходило утро, и Жека беспомощно откидывал голову, а Женька махал рукой. Попробуйте из маменькина сынка сделать мужчину. Легче его сломать. А кто будет тогда ремонтировать? Вот в этом и вопрос.

Зато авторитет с другой стороны – Алка – спокойно передавала свои мысли и желания готовому встать перед нею на колени Мишке. Причем где угодно: в аудитории; на улице, не всматриваясь вокруг и не измеряя глубину луж и даже во время перехода улицы на зеленый свет. Алка как будто чувствовала, что где-то рядом ходят носители кровожадной мечты – развенчать и сбросить с пьедестала кумира, захватившего без всяких согласований сердце Мишки. Когда она прогуливалась под ручку с одним из студентов, главным образом старших курсов, одно лишь появление половины из двух Жэ приводило ее в полную боевую готовность. И

немедленно близость двух тел разваливалась на две достаточно удаленные друг от друга части. Отдадим должное – специальную слежку ребята не вели. То ли считали это чем-то недостойным себя, то ли подспудно критически относились и к своим похождениям. А значит, Алка и они – располагались, по их собственному мнению, где-то совсем рядом на ступеньках морального облика. Только в отличие от нее, они даже не пытались скрывать свое поведение.

К октябрю месяцу роли были утверждены, актеры назначены, и только сюжетная линия и режиссер оставались абсолютной тайной. Мишка все больше понимал, что взял на себя непосильный труд – вытягивать из болота технической неграмотности сразу трех разнополых особей. А потом такое началось. Ну почему-то все это сложное, переплетенное, необыкновенное и насыщенное различными явлениями называли таким коротким словом – жизнь.

Танцплощадка

Ученые всего мира, начиная с глухих времен средневековья, не могут решить всего один вопрос – где студенты берут свободное время? Хотя назвать танцы глупым времяпровождением – совершенно неправильно. Это и спорт, и общение, и обмен мнениями. В том числе, и даже такое бывает, по вопросам учебного материала. Ну, а в некоторых случаях это и подготовка к созданию будущей ячейки общества – семьи.

Только не нужно говорить о ее дальнейшем возможном развале.

Институт в те времена не имел своей площадки – сказывалось отношение ректора к таким способам развлечения. И за многие годы студенты мелкими набегамы оккупировали клуб маленького соседнего предприятия текстильной промышленности. Вначале местное население воспринимало вторжение агрессоров крайне негативно. Но явный численный перевес студентов привел к затяжному перемирию, а затем и увеличению мер по привлечению студенческих масс и, как можно в большем количестве, в стены развлекательного заведения. Причины – как и везде. Большинство мужчин на предприятии преждевременно, но зато окончательно потеряли свою свободу в браках. Теперь они не видели ничего увлекательного в том, чтобы после окончания рабочей недели изгибаться, прыгать и выполнять фигуры околосемного пилотажа.

А дирекция клуба искала источники финансовых вливаний. И они шли из полупустых карманов студентов, причем достаточно исправным потоком. Но, как известно, ничего идеального не бывает. И когда два Жэ пошли на первую разведку, появилось одно отрицательное обстоятельство, которое резко отшатнуло часть студентов от танцплощадки в клубе. Поэтому, когда отцепившийся от женского подола Алки и почувствовавший прилив героизма Мишка попросился с ними, ему было отказано в такой категорической

форме, что он даже обиделся. И тут же старший брат – Женька – в таких красках описал его следующий поход в это же место, что обида, как и обычно, растворилась в сладких заверениях друзей.

Танцплощадка показалась полупустой. Маленькими группками с краев, почти прижавшись друг к другу, скромно танцевали малолетки женского пола. Середину зала оккупировали лица переходного возраста – в основном с избытком раскрашенные женщины, уверенно приближающиеся к границам бальзаковского возраста. Разбросанные по периферии вяло вальсировали под быструю музыку отдельные пары. Это фасад, сцена и все то, что вы можете увидеть, едва войдя под своды огромного зала. Внешне благопристойная картина музыкально-смягченного мира делала крутой изворот и переходила за кулисы, в которых царило выяснение отношений между людьми, дым от сигарет делал смутными человеческие силуэты, и интеллигентная связка слов стыдливо прикрывала каждое нецензурное слово тремя обычными.

Кто и когда может четко ответить – зачем он поперся именно туда, а не в другую сторону? Правильно, только когда вы идете по указанию жены, друга, начальника или еще кого-то. Женька пошел к туалету без всякого указания, а за ним по собственной инициативе увязался Жека. Там, где коридор круто выворачивал, уходя куда-то влево к закрывающей проход решетке, вжатая в стенку стояла молоденькая девчонка и издавала непонятные звуки. Что-то среднее меж-

ду попытками громко крикнуть «ура» и всхлипыванием маленького ребенка. Впрочем, оснований для этого было больше чем достаточно – обхватив ее за плечи и буквально давя на нее огромным телом, над девушкой завис огромный представитель одной из африканских стран. В былые времена говорили просто – негр.

Переговоры ведутся только с теми, кого считаешь сильнее себя. Женька не стал ждать, он грубо сорвал руки с женских плеч и, помянув негритянскую мать, вытащил в сторону девушку. Его изумила реакция противоположной стороны – полное безразличие.

– Ну и чего ты сюда пришла? – попытался представить себя в роли старшего брата Женька.

Воспитание не получалось, а девчонка только всхлипывала. Чувствуя, что издаваемые ею звуки вот-вот перейдут в рыдания, Женька отдал команду:

– Веди ее на улицу.

И не успел Жека почти силой вытащить девушку из мрачного коридора, как пространство волшебным образом начало троиться – прямо перед Женькой в хаотичном порядке расположились три огромных фигуры. Они не спешили, а с полной уверенностью рассматривали личность помешавшего им отдыхать нахала. Женька по привычке выдохнул и двинулся в туалет. Слегка повернув голову, он получил подтверждение – иностранные студенты следовали за ним.

В загроможденном кабинками помещении впереди идущ-

щий громила, видимо тот, обиженный, без размышлений начал замах огромной и мощной рукой. И Женька сразу успокоился – получалась даже не драка. Это оскорбление для такого как он. Пропустив руку он резко нанес удар в лицо нападавшего. Тот беспомощно брякнулся на спину. Женька повернулся, но нападения не последовало – напарники пострадавшего смылись.

– Тикай, парень, – раздался сзади голос мужчины в грязной спецовке, – а то тебе попадет. Те двое побежали жаловаться.

Бывает так, что человек говорит неубедительно, плохо, но ему верят. Безусловно и сразу. И Женька побежал. На пустынной улице, на которой располагался клуб, он легко высмотрел вдалеке пару – Жека не стал стоять рядом, а перевел бывшую жертву на другую сторону дороги.

– Умница, – подумал Женька.

Он быстро перебежал улицу и, не объясняя ничего ни девушке, ни Жеке, потащил их в глубину переулка. Прошло не более трех-четырех минут, и к клубу подъехал дежурный УАЗик, из которого лениво вышли две фигуры в милицейской форме.

Игра в прятки

Вторую неделю обладающий завидным здоровьем Женька добросовестно изображал из себя больного человека. Ес-

ли говорить иначе – он просто прятался. Уже на следующий день институт основательно протрясли. Ректор объявил, что учащиеся из дружественной африканской страны пострадали от рук наших местных хулиганов. Государство безусловно берет под защиту иностранцев. Мерзавцам, заочно и без права на апелляцию приговоренным ректором, однозначно грозило исключение из института. И это только в самом лучшем случае. И, конечно, независимо от былых достижений и оценок в учебе. Впрочем, в политических целях ректор сразу же указал, что существует вероятность, что хулиганы не местные и обитают где-то далеко за стенами института. Вполне возможно, что даже за пределами лесопарковой зоны.

А огромная жертва с перевязанным лицом и мрачным взглядом ходила в сопровождении представителей правопорядка по коридорам и залам. Эта странная делегация заглядывала даже в аудитории. Говорили, что деканы факультетов представляли фотографии студентов и внимательно выслушивали описание потенциальных мерзавцев. Как только первичная информация дошла до друзей, Жека на всякий случай сходил к знакомой парикмахерше. Она сделала ему такую прическу, что все стали говорить, что его теперь точно отчислят – панков и примыкающие к ним группы населения ректор крайне недолго любил. Но ему было сейчас не до этого. Ректора уже во второй раз вызывали в горком, где он отчитывался за показатели воспитания будущих инженеров различных специальностей и специализаций.

Под угрозой разоблачения Женька извинился и полностью раскаялся в своем недостойном поведении перед своей верной Жанной и окончательно прощенный переселился к ней домой. Мишка добросовестно бегал к нему по вечерам, пытаясь пресечь попытки деградации и разрастания безграмотности среди населения. Но Женька всякий раз отмахивался, утверждая, что его нынешнее психо-эмоциональное состояние не позволяет ему выучить хотя бы одну формулу.

Сложно сказать, насколько принимаемые меры могли способствовать восстановлению справедливости, если бы в дело не вмешался странный, но только на первый взгляд случай. Дело в том, что Женька никак не мог ожидать, что поиски его персоны активно продолжаются до самой глубокой ночи. А потому, как только прекращалось занудство и убеждения Мишки, и тот начинал собираться домой, вместе с ним шел прогуляться и Женька. И даже Жанна, глядя на тщедушную Мишкину фигурку, считала это вполне благоразумным поступком. Реально эскорт следовал только до ярко освещенного проспекта Мира, на котором располагалась остановка автобуса. Предполагалось, что пять остановок Мишка в состоянии преодолеть сам. Удивительно, но первым людей в пустынном переулке заметил именно он.

Замученный раздумьями о превратностях своей судьбы Женька бросил взгляд в переулок только после второго оклика друга. Территория небольшого предприятия со стороны переулка надежно закрывалась стандартным бетонным забо-

ром. Там, где ветви старых деревьев бросали многочисленные тени, скрывая и так плохо освещенный переулок, металось несколько человек. Женька отнюдь не желал, не разобравшись и сломя голову, кинуться в непонятную потасовку. Поэтому он осторожно начал выдвигаться в сторону забора, не забыв, как обычно, приказать Мишке, чтобы тот оставался на месте. И лишь подойдя ближе, движения Женьки стали увереннее. Четыре человека насккивали на одного, который прижался спиной к забору. Удивительнее всего было то, что кажущаяся жертва была достаточно маленького роста и не отличалась заметными габаритами фигуры. Она была, скорее, даже маленькой. Но как специалист в вопросах уличных разборок Женька сразу отметил удачные и ловкие движения человека. Если быют одного, значит, он точно не виноват. Женьке было достаточно отбросить всего одного и, почувствовав резкое усиление рядов противника, нападавшие даже не разбежались, а как будто растворились в сумраке вечера.

Всегда можно ожидать подвоха от любого, но когда маленький человек широко и довольно улыбнулся заметной даже в сумраке улыбкой, Женька просто протянул ему руку. Бывшая жертва говорила по-русски с сильным акцентом, но достаточно сносно. А Женька с подошедшим Мишкой познакомились с обычным вьетнамским парнем и будущим медиком. Его полное имя состояло аж из целых четырех частей. Но уже через несколько минут приоритет оставили только за

фамилией Чан. А когда и она показалась друзьям неподходящей, ее уверенно трансформировали в имя Иван. А затем и дальше – в Ваньку.

Переполненный знаниями Мишка недоуменно, а Женька с полной заинтересованностью слушали о загадочной школе Вовинам Вьет Во Дао. Обменяться опытом решили уже на следующий вечер.

Интернационал

В городских хрониках и записях по линии народного образования того времени совершенно отсутствуют данные о любых столкновениях на национальной основе. Просто через несколько дней почувствовавший доверие к своим русским ребятам Ванька привел несколько своих друзей к злополучному клубу. Роль провокатора взял на себя бывший хулиган и задира Женька. В этот раз он даже не стал ждать, пока привыкшие к безнаказанности представители одной из стран Африки начнут кого-то тискать, щупать или целовать, а просто подошел к их группе, стоящей на краю зала. Его узнали, по крайней мере, сразу два человека. Они шумно начали показывать на него руками, а потом несколько человек выдвинулось в его сторону. Женька сразу заметил, что кто-то побежал, видимо, позвонить. Он не стал терять время. Ударив ногой первого из подходивших, он резко отпрянул в сторону. И уже через считанные мгновения началась групповая

драка представителей двух зарубежных государств. Женька с удовольствием отметил более высокий уровень подготовки дружественного Вьетнама.

Два Жэ выскочили на улицу и, выждав время, со стороны наблюдали, как выходящие из клуба милиционеры растерянно разводили руками. Прошла еще одна неделя и представители Африки стали пытаться установить дружеские межгосударственные отношения на уровне полномочных представителей студентов.

А Ванька уехал через год. Правда, перед отъездом познакомил Женьку с остающимися на учебе соплеменниками. Но дружественная интервенция больше никогда не понадобилась. И даже жизнь вошла в стабильное русло, правда с наличием отдельных перекатов.

Баланс

И, все-таки, следует воздержаться от абсолютизации положения, что студент учится от сессии до сессии. И дело совсем не в том, что совершенно неожиданно кто-то начнет раскапывать ворох знаний и интенсивно насыщаться элементами человеческой культуры. Существует весьма коварная проблема – в семестровых зачетах и заданиях.

Когда незаметно и очень неожиданно в аудитории появилась зачетная ведомость по дисциплине, занесенная новым преподавателем, в воздухе зависла пауза. Кажется, любой те-

атр, в репертуаре которого присутствовал «Ревизор», смог бы позавидовать искренности возникшей сцены – бледные сосредоточенные лица, полное отсутствие движений и практически мертвая тишина.

– Здравствуйте, товарищи студенты, – оптимистичный голос пожилого преподавателя входил в явный контраст с пессимизмом обучающихся. – Меня зовут Рутман Исаак Борисович. Ваш преподаватель сильно заболел. Поэтому первую попытку начнем без него.

Видимо, этот Исаак Борисович осознал, что после его жестокого заявления студенты немедленно начнут считать возможное число попыток. Поэтому он попытался смягчить ситуацию:

– Надеюсь, что и последнюю. Затягивать не будем. Подходите по четыре человека к моему столу, быстро тянем вопросы, готовимся письменно и отвечаем. Думаю, что за учебную пару мы закончим. Впрочем, у нас есть в запасе и вторая.

Вся группа с выраженной завистью смотрела на Мишку. Вот кто был всегда готов. Но неожиданно в первую группу вышли три девочки и... Женька. С представительницами женского пола было понятно – они могли, втихаря, даже и готовиться к зачету – но Женька? Отгадку знал только Жека. Ему еще с вечера было известно, что друг торопится куда-то на встречу. И, наверное, даже готов побыстрее получить двойку, но зато освободить бесценное время. Все так и происходило. Едва взяв вопрос, Женька демонстративно за-

явил, что указанное топливо почти анахронизм и применяется только в далеких заброшенных деревнях из дореволюционных запасов. От агрессивности и наглости заявления в аудитории пронесся холодный ветер.

– Как же так, молодой человек, – последовало патристичное заявление преподавателя, – а как же техника нашей армии.

Забыв про остальных студентов, он начал уверенно рассказывать наработанный учебный материал. Но в конце последовало убийственное заявление Женьки:

– Сейчас не применяют. Я два года отслужил.

В глазах студентов счетчик возможных заходов строптивого студента вдруг сорвался со стопора и начал крутиться с бешеной скоростью. И тут же прозвучало:

– Это прекрасно, когда молодые люди, отслужив в армии, так хорошо знают учебный материал.

Не более чем через полминуты растерянный Женька под недоуменными взглядами одноклассников вылетел в коридор с оценкой «зачтено».

По всей видимости, героический поступок товарища спровоцировал выход Жеки во второй группе сдающих. Сев за стол экзакуций и получив вопрос, он быстро осознал, что в очередной раз столкнулся с очевидной тайной. Тем более, что преподаватель не участвовал в разгадке вопроса, а продолжал опрашивать других студентов. Оставалось только честно переписать наименование вопроса и своим размаши-

стым почерком попытаться обосновать актуальность непознанного. Неизвестно, насколько его скромные записи могли помочь воспитать настоящего инженера-механика. В любом случае, после завершения работы на стол преподавателя грустно улегся почти пустой лист.

Не ожидая разрешения, Жека встал. Добравшись до своего места в аудитории, он свалился на стул, отчетливо осознавая, что его может спасти только настоящее чудо. В глубоком отчаянии Жека даже раскрыл чей-то, случайно оказавшийся на парте, конспект. Чем дольше он читал, тем больше ужас заползал в его душу – вопрос излагался не менее, чем на пяти страницах, исписанных мелким убористым почерком.

– Вы издеваетесь со своим ответом? – резкий вопрос заставил вздрогнуть всю группу и позволил любому студенту почувствовать, что все сказанное относится именно к нему. – Кто тут такой хитрый? Э-э-э. Сур... Сурков.

Жека вздохнул и печально посмотрел на свой собственный лист сдачи в руках преподавателя. Снова прозвучал строгий голос:

– Вы что, товарищ Сурков, самый хитрый?

Жека обреченно вернулся на лобное место.

– Я так понял.

– Он понял. В первый раз вижу такого нахального студента. Нет, чтобы сразу признать, что не готов и не заставлять меня попусту терять время.

После недолгого размышления преподаватель решитель-

но развернул папку, вытащил из полиэтиленового уголка стандартный лист и положил перед Жекой.

– Берите и пишите.

– Что? – не понял Жека.

– Как что? То, что вы не поняли. Только пишите все и подробно.

Жека вздохнул и начал писать то, что врезалось ему в память с чужого конспекта. Лист был исписан с обеих сторон, когда Жека, подумав, обратился к преподавателю:

– А можно еще лист.

Преподаватель почти выхватил у него лист сдачи и некоторое время крутил в руках.

– Так ведь... Простите, но кажется, что вы действительно не поняли сразу, что нужно сделать. Это бывает.

Лист сдачи больше не вернулся к Жеке. И чистый тоже не дали. Зато он получил свою зачетку с аккуратной записью «зачтено». Жека был очень доволен. Особенно когда от выходящих из аудитории узнал, что многих уже завалили. Жека окончательно возрадовался после известия о посрамлении его вечной противницы – Алки.

Почти выпорхнув из здания под напором прекрасных эмоций и чувств, Жека съехал по обледеневшему крыльцу и проскочил в уже лежащем положении до припорошенного снегом газона. Даже не успев встать, он смог зафиксировать, что правая брючина безнадежно порвана. В этом мире всегда должен быть баланс настроения и чувств. Иначе он просто

захлебнется от радости или горя.

Заботьтесь о себе сами

Жека по жизни часто называл себя вынужденным оптимистом. А как же иначе? Друг Женька в одной с ним комнате – это здорово. Домашний Мишка с огромным багажом знаний, щедро раздаваемых им окружающим, – это прекрасно. Несколько килограмм сосисок – передача от родной тети Лизы – да это же чудо какое-то!

И вдруг все начинает рушиться и прямо на твоих глазах. Вначале старший брат, как он часто называл Женьку, стал все чаще уходить к какой-то Жанне. Впрочем, обитать одному в целой комнате общежития не так уж и плохо. Но беда решительно пришла со стороны вездесущего и активного завхоза. Аксинья Николаевна Барсукова в общежитии была чем-то вроде многофункционального центра сбора, обработки и, а это главное, использования информации. Как только она обнаружила потенциально свободную койку, последовала агрессивная попытка вселения на это место некоего Федора из другого крыла здания. Причем всего на второй день после убийства Женьки. Жека обоснованно считал, что это крыло здания располагается где-то очень и очень далеко. Может даже и на другой стороне города. Пришлось срочно вызывать Женьку и водворять его на место. Пришелец из другого мира, обнаружив на своем предполагаемом лежбище лежа-

щий и крупный объект, больше не появлялся. А завхоз, принимая белье в стирку от Жеки, стала старательно выискивать малейшие дырочки и пятна. На это уходило чуть больше времени, чем на обслуживание целого этажа общежития. В результате Жека остро почувствовал, что очень скоро ему придется перед сдачей в инициативном порядке самому стирать белье. Опять пришлось вызывать Женьку. По непонятной причине его рост вызывал уважение и мог быть использован как дополнительный аргумент во всех бытовых спорах. Когда Женька выходил из комнаты завхоза, она громко и на весь коридор пообещала треснуть веником по морде.... именно Жеке.

А на следующее утро за нее вступился и безжалостно отомстил Жеке ее же кот. Обнаружив за открытой дверью комнаты залитые водой сосиски и, пользуясь ротозейством дремлющего в комнате Женьки, он старательно вытащил их на свободу – одну за другой. И когда Жека вернулся из умывальника, перед ним предстала картина развернувшейся катастрофы.

В качестве наиболее крупного объекта в картину уничтожения мира вписывался Женька, внимательно рассматривающий свои потертые на коленках джинсы. Не мешающий ему кот, осознающий появившуюся извне угрозу, старательно глотал целыми кусками сосиски. Даже когда Жека кинулся к столу с криками «злодей, скотина, гадина и людоед» хвостатый хладнокровно, как и знаменитый Джеймс Бонд,

продолжал уничтожать следы своего пребывания. И только когда Жека заскочил в зону возможного захвата кота, тот лениво спрыгнул с другой стороны стола и побежал к выходу. В коридоре прозвучало его громкое «мяу», но что оно выражало: злорадство или искреннюю благодарность, так и осталось неизвестно. С потерянным видом Жека плюхнулся на кровать. Именно в это момент необыкновенно остро Жека почувствовал, что завхоз, этот кот и тем более Алка действуют против него, объединившись в единую контрреволюционную организацию. А если их компания усилилась в последнее время? Жека с подозрением всмотрелся в выражающее крайнюю степень вины лицо Женьки.

Этот первый семестр

Несмотря на различные неурядицы, незаметно уходили в прошлое первые знакомства, ненужные споры при выборе старосты и даже борьба за самый крепкий стул в классе. А еще стало понятно – институт – не школа, и дергать девочек за косички как-то не принято. Хотя иногда очень сильно зудят руки. Но здесь уже не девочки, а как-никак – девушки. Да и на обозримых просторах института найти косички не так уж и просто. Разве что у этой скромницы – Людмилы Суворовой. Но, во-первых, она старательная и даже частично откровенная зубрилка, а, значит, может вполне пригодиться на зачете или контрольной. Кроме того, отпугива-

ет такая грозная фамилия. А вдруг дальняя родственница? Лучше сдержать свои руки от греха подальше.

И уже все давно знают друг друга – и в группе, и даже в потоке. Теперь легко прогнозировать, что можно ждать от одноклассников. Или почти во всех случаях. Но зато появился самый настоящий страх. Перед чем? Ну, допустим, что вы хотите пригласить именно ее в кино или в мороженицу. Так в чем дело? Приглашайте. А вдруг откажет? Или на запрос Сидорова последует ответ, что она уже идет с Ивановым. Почему? Хотя бы потому, что Ивановых гораздо больше. И вопрос закрывается. Так что? Сидоров должен ненавидеть Иванова? Одного или сразу все полмиллиона. А может за компанию и Петрова? Ну, нет. Мишку Петрову все любят или, по крайней мере, делают вид, что относятся к нему даже с обожанием. И, кстати, та же Людмила Суворова смотрит на него с явным уважением, что постоянно вызывает резкий и ненавидящий взгляд Алки. А что, в их годы все может быть, и нужно держать ухо востро.

Но неужели нужно идти по жизни, толкаясь локтями, пресекая любую попытку аналогичных противоправных действий одноклассников. Конечно, не надо. Просто пропусти девушку вперед и, обернувшись назад, красноречиво разведи руками – извини, друг, но ты уже опоздал. Главное для мальчиков – это собственное спокойствие и равновесие в душе. А как быть девочкам? Но вас же пропустили вперед. Бойтесь, что обернетесь, а пропустивший уже удрал? Но тут че-

ловечество накопило такой потенциал ухищрений, способов и средств, цель использования которых состоит только в одном – он не сможет смотреть по сторонам. Его взгляд привязан... В общем, к наиболее значимым частям пропускаемой вперед студентки. И совершенно не факт, что лишенному возможности пропустить ее вперед не повезло. В студенческом возрасте можно еще не раз познакомиться, попытаться, многократно ошибиться и даже попробовать чего-нибудь достичь в этой самой жизни.

Никто не замечал, как часто используют привычный нам марш «Прощание славянки». Под него отправляются поезда, теплоходы, провожают в армию и даже в дальние путешествия. Это наш отечественный символ. И хотя до сих пор имеют место отдельные споры, считается, что его написал простой штаб-трубач Василий Агапкин. И заметьте, без всякого высшего образования и, наверняка, без всяких раздумий о своем вкладе в нашу культуру. Чего же тогда может достичь студент после получения высшего образования?

А теперь немного сочувствия родителям. А как же. Рано или поздно кто-то из них приходит домой, а дверь в комнату дочери закрыта. Непонятно? Родители сразу начинают теряться в догадках. Больше всего переживают, конечно, мамы. Папы обычно намного дольше остаются в относительном спокойствии или начинают разминать кулаки, вспоминая свое далекое армейское прошлое в морской пехоте или занятия по боксу. А если подумать, то разве можно учить

уроки при открытой двери? И интересно, кто переживает больше, когда закрыта дверь в комнату сына?

Как-то один человек рассказывал, как стоял в вагоне метро и исподтишка разглядывал двух милых девушек, судя по содержанию разговора и применяемым терминам – студенток. Когда через две остановки одна из них по непонятной причине сорвалась на многоэтажную нецензурную конструкцию, у мужчины едва не случился инфаркт. Впрочем, это как раз естественно. Вопрос только в том, а всегда ли мы правы, ругая детей за повторение наших же собственных проступков и повторение аналогичных ошибок?

Во всем виноват Менделеев

В ноябре случилось нечто непонятное, нарушившее равновесие отношений в сторону Алки. В реальности разрушенный паритет резко выявился в учащении случаев помощи этой, по словам Жеки, бездарности, неумехе и дармоедке. Себя он к заявленным классам и видам людей не относил. Жажда мести потребовала немедленных и оперативных действий. В свои дальнейшие планы Жека посвятил, и это вполне естественно, только Женьку – Мишка как полностью очарованная и околдованная сторона мог помешать.

По словам прирожденного выдумщика и, значит, почти историка Жеки знания Алки по курсу химии явно застряли где-то на уровне доменделеевских времен. А по его словам

в рамках возможного перспективного применения на производстве средневековые алхимики несомненно стояли выше нее и знали много такого, чего не знает современная студентка. В то же время, самокритично и обоснованно сомневаясь в своих личных знаниях по данному предмету, Жека не поленился сходить в соседнюю группу. Там тоже имелся очевидный научный авторитет. Конечно, не такого высокого уровня как Мишка, но очень даже неплохого. Результатом похода оказалось выяснение типа катализатора разложения. Вопрос с его покупкой легко решался возле пивной химического завода. Требуемое незначительное количество вещества позволяло надеяться на решение вопроса по его закупке на уровне одного литра пива.

Место встречи действительно было выбрано верно. Заключение договора с его возможной пролонгацией открывало безграничные возможности для предоставления Мишке последующих обоснованных доказательств, что его обожаемая и горячо любимая подруга в интеллектуальном плане – пробка для колбы. Почему именно колбы? Жека хотел, чтобы его месть имела техническую и, может быть, даже научную обоснованность.

Где сядет Алка в химическом кабинете, он знал наверняка. Дело в том, что преподаватель химии – Зоя Лазаревна Ротенберг – зная Мишкину безотказность, легким маневром привязала к нему на занятия Ломакину Женьку. В связи с этой девушкой и ее именем нужно заметить следующее. Ес-

ли на первом месте, то есть самого главного врага, у Жеки всегда стояла Алка, то на второе место в списке противников могла смело рассчитывать студентка Ломакина. И дело было совсем не в ее полной бестолковости – она не одна такая. В первую очередь проблема заключалась в наглом заимствовании и повседневном использовании этой особой благородного и прекрасного имени. В свое время он и так уступил, причем с очевидными моральными издержками, свое первоначальное обозначение на созвучное ему – Жека. Но тогда все было добровольно. А в отношении этой сокурсницы он не смог смириться с очевидной акцией самозахвата. Незвестных ему родителей этой Женьки Ломакиной Жека в учет не брал.

Впрочем, сейчас ему было не до захватчицы. Спланированный план проведения акта возмездия предусматривал следующее. Когда перед самым занятием химическая посуда должна была выставляться на столы в лаборатории, у Жеки оставалось всего несколько минут, чтобы засунуть этот самый катализатор в колбу и обеспечить, чтобы он не сполз по стенке раньше положенного времени – на дне могли быть маленькие остатки воды. Любая преждевременная реакция – полный провал.

Сколько великих проигрывало генеральные сражения только из-за своей личной самонадеянности и нежелания учитывать возможность, что противник окажется умнее, подготовленнее и хитрее. К моменту выхода на итоговые

приготовления Жеки, раздраженная его постоянным наблюдением и подколками Алка начинала свою большую игру. Она решала задачу без использования опыта и мудрости предыдущих поколений, включая средневековых алхимиков. Для выполнения акции возмездия Алка, используя свои женские связи, на машинке учебной части напечатала соответствующие бирки. И приготовила клей.

Накануне занятия в химической лаборатории две фигуры маячили по длинному институтскому коридору. Одна из них принадлежала Жеке, проклинающему всеми словами Алку, а вторая – самому объекту обличения. Полнота словарей гневных слов с обеих сторон никак не влияла на уровень их взаимной ненависти.

Ситуацию временно разрядило появление преподавательницы. Она, едва заметив Жеку, пригласила его в лаборантскую передвинуть тяжелый стол. Как только фигуры студента и преподавательницы скрылись за толстой деревянной дверью, Алка на редкость быстро и умело реализовала свои замыслы, переклеив бирки. Ей оставалось только замести следы и получить что-то похожее на алиби. И потому она подхватила под руку незнакомого студента со старшего курса и начала мило болтать с ним на непонятную тему. Молодой человек не успел даже среагировать на это грубое посягательство в отношении личной свободы, как был приведен в еще большее замешательство – на углу коридора Алка безжалостно бросила его, оставив в недоумении и полной рас-

терянности.

Выскочив из лаборантской и обнаружив отсутствие своего врага, Жека немедленно приступил к операции «Катализатор». Он успел как раз до начала занятия. В обычной колбе, стоящей на закрепленном за Алкой столе, только тщательный осмотр мог позволить обнаружить маленький и твердый кусочек темного по цвету вещества, наклеенный на внутреннюю стенку посуды.

Минут пять после звонка на занятие Зоя Лазаревна настойчиво подчеркивала значение фундаментальных работ великих русских химиков, потом напомнила о классификации неорганических соединений и пояснила основные этапы проведения опыта. Самого простейшего и почти школьного опыта, связанного с изучением взаимодействия соединений различных классов.

Когда из колбы на столе Жеки послышался слабый гул, а затем на свободу стал вырываться цилиндрический столб дыма с неприятным запахом, у него сразу изменился цвет лица. Впрочем, не только у него. Никакой команды не прозвучало. Но, не дожидаясь ее, инициативным порядком студенты выскакивали из аудитории, побросав сумки и вещи. Через пять-десять минут в непонятной очередности гул и дым прекратились, и студенты начали возвращаться в класс. И как раз в это время на столе Алки возник второй источник выброса. Только был он поменьше, имел другой запах и цвет. Студенты посмотрели на Зою Лазаревну и смело остались в

классе. Уже привыкли. А Зоя Лазаревна медленно подошла к столу Жеки, посмотрела на две бирки на сосудах и полуугрожающим тоном произнесла:

– Кто?

Все молчали. Через полчаса по институту поплыли слухи об аварии с тяжкими последствиями и предполагаемыми жертвами. А на следующий день пронесся слух, что преподавателя химии увольняют. Студенты долго шушукались, а потом с горячей и обличительной речью выступил Женька:

– Говорить о том, что у нас появился идиот – совершенно не правильно. И не только потому, что слово идиот – мужского рода. Кстати, себя я отношу сюда же. Нужно разместить все, что сделано.

К концу Женькиного выступления мало кто вспоминал, что произошло совсем недавно на уроке химии. Ведь это уже не главное. Нужно спасать человека.

Через считанные минуты ректор с удовольствием смотрел на выpravку Женьки. Хотя он сам и никогда не служил в армии, но славное боевое и революционное прошлое его предков всегда вскипало в его душе, едва он видел что-то, с очевидностью связанное с военной службой. Вот и сейчас, едва Женька напросился на встречу и переступил порог кабинета, ректор заявил:

– А вас хвалят. И вы – лидер. В группе порядок. Кстати, надо подумать о замене вашей старосты. Девочка. Ей же трудно управлять такими бравыми парнями. Вот только этот

случай, на химии. Ну, мы уже разговаривали с преподавателем. Куда вы спешите? Молодой человек, прерывать ректора, да и не только – неприлично. Итак, что у тебя?

– Николай Капитонович – мы прохвосты.

– Очень интересное начало. Кстати, изначально прохвост – достаточно приличное слово. Но давай конкретнее.

Через десять минут ректор вышел в приемную. Там, невзирая на попытки противодействия со стороны секретаря, собралась вся группа. И все-таки ректор пошел им навстречу. Претензии с Зои Лазаревны сняли. Все пошло своим путем. Но через две недели она все равно уволилась. Людей всегда можно простить, но заставить потом им верить – гораздо труднее. А Женька, только та, женского рода, так и заявила, что во всем виноват Менделеев. Если бы не он, то ничего бы и не случилось. При этом она подразумевала, что и химические реакции тоже он открыл. Знай Ломакина, что Менделеев серьезно занимался и экономикой, то списала бы на него все последние неудачи целой страны.

Новый преподаватель по химии прекратил любую самостоятельность на занятиях. Перед каждым опытом звучала его громкая команда:

– Делаем первое действие. Петров, уберите руки от стола. Что вы делаете Ломакина? Мне жертвы не нужны. Давайте я вам и так засчитаю эту лабу. Тимофеев, я же сказал, что вы нужны живыми. А вы что здесь ходите? Ах, так вы лаборант? Петросян, у меня же дети!

Стало спокойно и абсолютно неинтересно.

Маленькая сестра

Его банально отловили. Или выловили. Едва Женька, легко прыгая через две-три ступеньки, приготовился выскочить в открывающий простор для побега вестибюль, как ему преградили дорогу. В институте желающих пойти на такой поступок найти было трудно. А тут лицо женского пола.

– Вы меня помните? Вы меня тогда спасли.

Женька почти забыл тот случай в клубе. Вернее, он хорошо запомнил групповую африканско-вьетнамскую драку. А вот что было до нее?

– А вы не голодный?

Оценка с высоты его роста дала примерные промеры – на него смотрел почти ребенок. Правда очень пушистый и с большими добрыми глазами.

– Ты кто?

– А, так Вы меня не помните? Я та самая.

Наконец до Женьки дошло. Действительно это та самая, с которой он разыгрывал из себя старшего брата.

– Как же, помню. Ты крепко и надежно держала лапы этого представителя Африки, чтобы он не удрал. Могла бы взять и легко швырнуть его головой на пол.

В круглых глазах прошла череда эмоций: вначале обида, потом злость и, в завершение, Женька не мог поверить, са-

мая настоящая жалость. В жизни его ругали, любили, проклинали, воспитывали и даже угрожали. Но жалеть такого как он? Да и кто? Малышка, сбжавшая с последнего или предпоследнего урока в школе. Кажется, что последние слова он сторяча произнес вслух. И сразу получил сдачи.

– Во-первых, не с последнего урока, а после последней лекции в институте, только не в вашем. А если я и малышка, то, как говорит мой папа – большая палка годится только г... мешать». Я думала, что вы – настоящий герой. Я ведь давно узнала, где вы учитесь. Только боялась – вас ведь узнают. А вас действительно искали?

Женька на ходу стал проводить анализ сложившейся обстановки:

– Итак, во-первых, не сдала. А могла. Впрочем, а зачем ей это надо. Во-вторых, нужно с Мишкой посоветоваться. Он у нас – аналитик.

В тоже время он чувствовал, что эту малышку нужно как-то отблагодарить. И почти повторяя позу «клубного» пристава из Африки, Женька уверенно приобнял ее плечи и, только не подумайте ничего плохого, ласково приложился губами к пушистой голове. В дальнейшем должна была появиться уверенная улыбка защитившего девушку джентльмена. И следом – благодарная и восторженная улыбка нашедшей защиту дамы. В смысле – вот этой малышки. Размечтавшийся Женька не сразу понял, что его личность как бы разваливается на две почти равные части: первая все еще про-

должала мечтать и представлять триумф целиком состоявшегося героя, а вторая начинала сгибаться от резкой боли в паху. Удар этой малышки оказался настолько неожиданным и резким, что Женька даже боль и то почувствовал не сразу.

– Ты что? Идиотка, – едва не матерился Женька, – тогда надо было бить, а меня-то за что?

Проходящие по улице люди с недоумением смотрели на странный дуэт. Совсем не похожий на классический. Почему-то невысокая девушка с бесконечно расстроенным лицом гладила здорового молодого человека по плечам, голове и даже спине. Но в сложившейся ситуации подозрение падало на какую-то третью и совершенно постороннюю силу, которая почти середь бела дня пришла и поколотила такого бравого парня. Пока боль не отошла, Женька готовился поклясться, что больше никогда не будет пользоваться шпаргалками, целовать девчонок, может только по их специальным указаниям и пройдя необходимые этапы согласований. И полностью перестанет пить. Когда боль стала отпускать, память безжалостно стала выбрасывать все ненужные клятвы, мысли и пожелания. И захотелось взять ремень и поколотить этого маленького садиста. Но, поглядев в расстроенные и блестящие от слез глаза, Женька внезапно передумал и отказался от наказания. И даже как-то неуверенно промямлил:

– А чего же тогда того грубияна также...

– Время не подошло.

– А если бы ты из меня инвалида сделала?

Маленькая девушка встряхнулась, выпрямилась и, становясь даже чуть-чуть выше, гордо, если не сказать напыщенно, заявила:

– Сама потом и вылечу. Как-никак, я – будущий врач.

Женька необыкновенно долго раздумывал, а потом громко рассмеялся. Промелькнувшая на лице девушки обида быстро сменилась готовностью поддержать свою нечаянную жертву. Он никогда не кормил девушек пряниками, а его сейчас кормили настоящими домашними пирожками: с капустой, с мясом и с яблоками. Прошло еще немного времени, и Женька почувствовал себя совершенно маленьким и даже готовым временно сдаться в плен. И захотелось забыть неурядицы, трудности и даже неотвратимое приближение сессии.

Первые экзамены

Первая, самая непривычная, тяжелая и подготовленная сессия. Совершенно неожиданно начали появляться явные герои. Легенды рождались почти по ходу сдачи экзаменов и зачетов. Одни студенты становились предметами поклонения, другие – насмешек, а третьи – добродушно смеялись над собственными ухищрениями и потугами. Первой засветилась студентка так называемого основного потока – Рита. Эта «жемчужина» по-гречески, с роскошной фигурой выступающих на теле округлых неровностей, используя советы и

наставления старших товарищей и подруг, подготовилась к экзамену, добросовестно выписав значительную часть учебного материала на поверхности кожи. Начиная почти от коленок и кончая тем местом, откуда растут ноги у всех нормальных людей. Сверху конспект прикрывала позаимствованная у бабушки длинная цветастая юбка.

При входе в аудиторию она услышала легкую похвалу одного из преподавателей:

– Вот, сразу видна скромность. А говорят, что молодежь...

Носительница этой самой скромности, упустив из виду говорящего и выполнив ритуал регистрации своей персоны и получения билета, демонстративно выбрала место на одном из первых рядов. Чем необыкновенно поразила уже сидевших в аудитории студентов. Рита не торопилась. Она старательно переписывала номер билета, учебные вопросы и даже условия задач. И только после этого, почувствовав, что глаза преподавателей свыклись с ее скромным присутствием на первых рядах, Рита начала решительно действовать. Материал первого вопроса располагался чуть выше края юбки и, обладая замечательным зрением, девушка легко перенесла информацию на экзаменационный лист. Это с левой ноги. На правой была позаимствована нужная задача.

Несомненно, что можно было бы и завершить списывание. На тройку вполне хватало. Но Рита решила не останавливаться на достигнутом, а, значит, и показать свои знания

во всей красе. И вот тут и возникли проблемы. Одно дело приподнять юбку – со стороны очевидная случайность. И совсем другое – перевести ее в состояние, которое для преподавателей мужского пола однозначно свидетельствует, что студентка прямо во время экзамена почти пытается снять с себя элемент одежды. В те времена пуританские обычаи медленно, но верно уходили в прошлое вместе с выходившими на пенсию ветеранами. Но об эротике речь пока тоже не шла. И остающийся в живых здравый смысл категорически отвергал возможность прихода в институт в одних трусах. Хотя, кажется, даже и сейчас остается предосудительным снимать юбку во время экзамена. Или уже разрешили? Впрочем, на том экзамене длительное время никто не обращал внимания на студентку с юбкой, подол которой все ближе приближался к поясу. И поэтому неожиданно для нее и почти как набат ударил по перепонкам голос одного из преподавателей:

– Что вы делаете?

Как была, Рита от неожиданности вскочила со стула, одергивая свою задранную юбку.

– Что вы делаете?

Это почти как у артиллеристов – перелет, недолет. Второй вопрос, третьего не будет. Привлеченная явно обостряющейся ситуацией в их угол зашла новая молодая преподавательница.

– Я могу быть чем-то полезна?

Рита всеми своими исписанными и даже не использован-

ными частями тела почувствовала, что скоро ее будут разделять, а потом, что весьма возможно, еще и сечь.

– Ну, так что?

Рита склонилась к уху женщины и шепотом произнесла:

– У меня резинка лопнула.

Все было сказано так тихо, что с задних столов немедленно послышался комментарий в мужском исполнении:

– Освободите нас от экзамена, мы в магазин сбегает. За резинкой. Если надо, сами и...

Преподавательница немедленно вскинула голову:

– Как вам не стыдно.

Наступившее молчание показало полную стыдливость аудитории.

– Пойдем со мной, – по прозвучавшей как будто где-то вдалеке команде Рита встала из-за стола и пошла на выход, обреченно чувствуя впереди приближающееся тепло, дым и даже гарь разжигаемого костра, приготовленного с одной только целью – сжечь ее как средневековую ведьму.

Сейчас последует тщательный осмотр. Можно, конечно, возмутиться, она не обязана показывать свое тело и нижнее белье. Но рядом идет женщина. И когда Риту привели на место, она, отвернув голову в сторону, начала медленно задира́ть подол бабушкиной юбки.

– Ты что – дура? – раздался возмущенный голос преподавательницы, – кто же так делает? Нельзя же так высоко писать. Ты еще бы на своей заднице нарисовала.

Выходя из аудитории с красовавшейся в зачетке оценкой хорошо, Рита была полностью согласна, что оценка была снижена вполне обосновано.

В соседней аудитории параллельно с нею мучился и проставлялся сам Женька. И все-таки, практика сдачи экзаменов показывают, что более удобная в быту мужская одежда – брюки – остается категорическим архаизмом. Даже мужественный и сильный Женька мечтал о каком-нибудь шотландском килте. Ну, нет, пока не поймут, а потому приходилось исхитряться и списывать традиционными способами.

Инесса Васильевна грозно уперлась взглядом в Женьку. Пожалуй, что она была из тех немногих преподавателей, кто относился с подозрением к высокому и симпатичному студенту.

– Ну так что, списываете, Сурменко?

– Да вы что? – с искренним недоумением в глазах вопрошал Женька.

– Я же вижу.

– Да где?

Когда спор стал переходить через свой экватор, шпаргалка окончательно соскользнула вниз. Остался только проем в штанах, называемый в народе расстегнутой шириной. Ее и обнаружил случайно зашедший на экзамен по аналитической геометрии декан. Он мало того, что осмотрел подозрительного студента. Со стороны могло показаться, что он его даже обнюхал.

– Докатились, Сурменко, – зашипел на ухо студенту декан, – ходишь на экзамен с расстегнутой мотней. Ну, какой преподаватель не станет возмущаться.

– Вот видите? – показала рукой Инесса Васильевна декану. Направление ее замершей руки показывало почти на север. Ширинка находилась явно на северо-западе и декан вначале даже успокоился.

– Где? – поинтересовался глава факультета.

В этот раз женская рука взяла откорректированное строго на ширинку направление с отклонением не более 2-3 градусов.

– Что там? – поинтересовался декан.

– А вы что, не знаете, – немедленно возмутилась Инесса Васильевна, – сейчас там уже ничего нет.

К несчастью для декана он, конечно, знал, но тут начал сомневаться.

– Вот, вот! – кричала вслед выходящим в коридор Женьке и декану Инесса Васильевна, – обязательно проверьте, что у него там осталось.

– Ну что, потерял? – уточнил декан, – ты не думай, я рассказывать не буду. В жизни все может быть. Главное – будь хорошим механиком. Она старая женщина. Ну, разное думает, правду узнает и нападает на людей. Хотя ее сомнения, конечно, бестактны. Ты лучше иди домой, а с оценкой мы решим. А у тебя, правда, там уже ничего нет?

Женька осторожно оглянулся – проскочившая штанину

продолговатая шпаргалка выпала по дороге и сейчас спокойно вылеживалась недалеко от входа в аудиторию. И Женька уверенно выпалил:

– Да, честное слово, ничего! Если хотите прямо на ваших глазах штаны сниму.

– Ну, это лишнее, – декан с явным сочувствием похлопал Женьку по плечу, – ты главное, живи. Не нужно паники. Найдешь хорошую девчонку, с пониманием.

Декан еще раз с явным сожалением посмотрел на растерянного Женьку и торопливо двинулся в свой кабинет.

Сон

Вечером после успешной сдачи экзамена и возвращения после парка в общежитие Жека попал в другой мир. Оказалось, что конкурс в академию волшебных наук зашкаливал. МГИМО и даже Щукинка могли отдыхать. Зная плодovitость сказочных героев можно было не сомневаться, что их отпрысками можно не только забить все бюджетные места в академии, но даже сформировать маленькую, но где-то даже несокрушимую армию. Дети Горыныча, Кощей Бессмертного, кикимор и леших и даже бесполое чада непонятных существей толпились возле помещения приемной комиссии. Они толкались, шумели, рычали и старательно показывали зубастые рты. Напрасно одетый в форму стрелыца времен Ивана Грозного охранник пытался утихомирить эту

толпу недорослей.

Когда его терпение лопнуло, он повернулся в сторону Жеки.

– Ну вот. Давайте я его вам скормлю, а вы заткнетесь. Жека попытался взбунтоваться.

– Но я же тоже поступаю.

– Это с тобою поступают. Как с последним.

Осталась последняя надежда пронять бессердечных существ.

– А если у меня болит голова со вчерашнего вечера?

А потом неожиданно пришло спасение. Прилетевшая непонятно откуда Фея-куратор дала какие-то указания помощнице, взяла его за руку и повела в огромный, заполненный волшебством банный корпус. Она сама, лично, помогла ему раздеться, а потом начала немного жестковатой мочалкой тереть ему спину. Только почему-то всухую. Но все равно, было так приятно, а еще можно было беспрепятственно кричать:

– Выше, теперь немного ниже. Как хорошо!

А зачем она скребет ему спину ногтями? От страсти? Но у них же ничего не было. Ведь неприятно. Жека открыл глаза. И сразу по мозгам ударила яркая мысль:

– Как фея попала в общежитие? Ее же на вахте должны были задержать!

Но фея явно продолжала оставаться и даже толкаться где-то сзади. Жека резко повернулся к ней лицом – позади его

лежал абсолютно голый Опанасенко с параллельного потока и никак не мог пристроить свою длинную волосатую ногу на его спине. Наверное, термин «мгновенный ужас» появился в литературе как раз после того, как Жека, на ходу напяливая спортивные штаны и прыгая на одной ноге, вывалился в узкий коридор. При этом он едва не сбил с ног старшего завхоза общежития – Аксиныю Николаевну Барсукову. Ту самую, уже оставившую долго незаметаемый след в его судьбе.

– Куда, оглашенный?

– Там, там такое, – зачастил Жека.

Если что-то и могло испугать Аксиныю Николаевну по жизни, так только пропажа только что выставленной на стол бутылки самогона. Прямо в коридоре она нашла швабру, успокаивающе махнула рукой Жеке и пошла на приступ помещения.

Когда Аксиныя Николаевна вышла обратно в коридор, на ее лице было написано полное разочарование.

– А я-то думала. Давно это у вас? Переспали?

– Но ведь... – мямлил Жека.

– Знаешь, в наше время двумя голыми мужиками в одной кровати – никого не удивишь. Будь!

Последнее слово свидетельствовало о потере всяческого интереса старшего завхоза к проблемам мужчин. Жека растерянно смотрел вслед ее удаляющейся фигуре. Амплитуда качаний нижней части туловища завхоза предотвращала малейшую возможность ее обгона по прямой в узком коридоре.

А в его конце слышался громкий смех – несколько девчонок дергались в гомерическом хохоте, держались за животы и, главное, показывали пальцами на него – Жеку.

Краткие итоги мужского унижения

Вечером три друга собрались в сквере недалеко от института. Проныра Жека притащил две штуки бутылочного пива. По очереди пуская их, одну за другой, в расход, двое человек из трех приготовились скорбно пожаловаться на жизнь.

– Сегодня в общежитии ночью, – первым, как обычно, начал Женька.

– С какого?

Вопрос мог принадлежать и Мишке, и Жеке. Все зависело только от интонации.

– Пришел к Жанне, а она заявила – чего надо? – продолжил Женька. – Я даже растерялся, как чего? А она – так у тебя там ничего нет, это, говорит, полинститута обсуждает.

Хмурый и невыспавшийся Жека покрутил головой и невпопад, но с оттенком сочувствия, спросил:

– А что, все-таки, что-то осталось?

И сразу получил дружеский подзатыльник. О том, как девчонки нашли его пьяного, напоили охочего до выпивки Опанасенко и в раздетом виде положили их вместе, Жека почему-то в последний момент решил не рассказывать.

Глава 2. ТРУДОВЫЕ БУДНИ ДЕРЕВНИ

Опыт приходит с полугодиями

Не задумывались, почему в армии укоренился термин «дед», а среди студентов – он не приживается? Все молодые? Не то. Мудрые головы прошлого столетия обоснованно подозревали, что основной аргумент социального равновесия – получение полного комплекта приобретенных навыков по поведению в институте уже в течение первого семестра. Второй и последующий нужны только для их оттачивания. Попытка утверждения, что знания старших курсов зашкаливают по сравнению с первым – неверна и даже нелепа. Направление закручивания спиралей знания и обратной деградации часто бывает ошибочным и необъяснимым. И все же у старшекурсников есть однозначное и, пожалуй, единственное преимущество – они более перспективны с точки зрения создания семейного очага. Ну, так что может быть лучше? Жить на стипендию или на зарплату покинувшего институт предшественника? Об исключениях говорить не будем. Некоторые скоропалительные пары женятся на первом курсе. Наверное, для того, чтобы успеть развестись до пятого.

Один преподаватель рассказывал, что у его соседей сынок собирался жениться на каждом курсе. Что тут страшного?

Так ведь после каждой сессии. На старших курсах мама и папа начали вздрагивать только от одного ожидания заявления своего ребенка. Когда, наконец, он привел свою молодую жену «никого не спросив», мама приняла и полюбила ее всем сердцем. И будто в отместку за прошлое во всех случаях, ситуациях и тем более ссорах начала принимать только ее сторону.

Бывают другие характерные ситуации. Стабильные и устойчивые личности любят дружить не один год. И это замечательно – нужно лучше узнать будущего спутника – в кино, в театре, да и по жизни. Проблемы начинаются, когда ваш многолетний друг заявляет, что пора переводить ваши отношения в непонятную и официальную плоскость, да еще и с оформлением соответствующих документов. Варианты решения вопросов разнообразны. Начиная от завершения дружбы и кончая рядовым и, конечно же, непрофессиональным скандалом.

А иногда ситуация непреднамеренно заходит в тупик, то для ее разрешения начинают привлекать внеинститутские силы – от родственников до гадалок. К примеру, она хочет свадьбу после окончания сессии, а он – вообще отрицает возможность заключения любых мирных договоренностей. Напряженность выматывает нервы обоим сторонам, обсуждается целым факультетом и появляется вероятность выхода скандала на уровень самого ректора. Пока не приезжает папа и с кавказским акцентом не заявляет, что если мальчик не

женится, то он уже больше никогда... В смысле не женится. У конфликтовавшей до этого пары до сих пор счастливая семья. А все почему? Тесть попался хороший. Усмирил дочку.

Что такое организация

Первый учебный год прошел тяжело. Мужество, вера и поддержка друзей помогли. Завершающая учебный год бурная – с грозами, ветром и длинными хвостами по учебе – весна обозначила свою очевидную усталость и готовность уступить лету плацдарм для дальнейших операций. И оно действительно шло. Пусть в тот год прохладное, но ведь все равно лето. Будто специально и добросовестно кем-то организованное как раз под окончание их первого курса. И навсегда единственного. Можно еще долго где-то учиться, а повторение невозможно. Только никто этого не замечает. По крайней мере, лет до пятидесяти.

А в деканате записывали добровольцев на работу в колхоз. В этом году опытным порядком вузам разрешили отказаться от обязательщины, и потому запись шла вяло и безынициативно. Пока по факультету не разнеслась неожиданная и вкусная информация – ожидается работа по уборке клубники. Интенсивность записи в комсомольско-молодежный лагерь возросла в разы. А когда объявили, что отъезд в колхоз планируется почти на неделю раньше окончания сессии – пошел настоящий вал, насыпанный надеждами на воз-

возможность досрочной и щадящей сдачи. А не успевшим записаться предстояло мыть полы, красить изгороди и проводить ремонт мебели. И это в пыльном городе, под внимательными взорами проходящих прохожих. И весьма возможно, что они, эти следующие по своим делам люди, будут думать, что это работают никакие не студенты, а лица, получившие по 15 суток ареста. Ведь лучших-то отправляют на клубнику!

В первый раз Мишка принял самостоятельное решение и записался в добровольцы. Уже через час, получив информацию по непонятным женским каналам, прибежала Алка. Она свирепо и настойчиво требовала, по ее же словам «немедленно покинуть сообщество пьяниц, развратников и лиц недостойного поведения». Мишка посмотрел кругом – за ближайшим кустом притаился Жека. Два Жэ, ранее выступавшие категорически против участия «интеллигента» в операции колхоз, попозже осознали возможность временного снижения, а может и разрушения дьявольских чар сокурсницы. И поэтому каждый из них всеми силами пытался доказать Мишке, что ученым он может стать в любой момент – мозгов у него хватает, а вот мужчиной становятся только после таких поездок. Поэтому Жека старательно показывал два сжатых кулака и необыкновенно быстро открывал и закрывал рот. Что это означает, Мишка не понимал, но зато он всей душой чувствовал, что ребята переживают за него и стремятся, чтобы они были втроем, все вместе.

Впервые за истекший учебный год Алка почувствовала,

что на собственной и родной территории терпит неожиданный и полный разгром. Но именно поэтому врожденным женским чутьем она быстро приняла решение и, даже вычислив затаившегося в кустах Жеку, вполне организованно начала свое временное отступление.

– Приедешь, обязательно позвони. И помни – я тебя очень жду. Ж-д-у!

Алка посмотрела по сторонам. Требовалось добавить что-то более существенное и аргументированное. Она быстро положила руки Мишке на плечи и поцеловала его в левую щеку. Потом подумала и оставила след своих губ на правой. Покинув изумленного, ошарашенного и восхищенного Мишку на месте, Алка быстро ретировалась в учебный корпус. Наблюдавший картину безобразно наглого охмурения товарища Жека пропустил нужный момент для снятия чар ведьмы-студентки. А когда он запоздало кинулся к Мишке, его остановил громкий голос декана:

– Товарищ Сурков! Остановитесь.

Жека замер. Ситуация без видимой причины накалялась. Кроме того, Жеку ударили по одному из самых больных мест. И далеко не в первый раз. Проблема была очевидна. Даже вращающаяся в богемно-одухотворенных кругах тетя нет-нет, но глубокомысленно заявляла, что его фамилию явно не доработали. Должен был быть Суриков, очевидный однофамилец, а может, почему и не предположить, даже родственник великого русского живописца. Но Сурков... При

этом она глубокомысленно добавляла, что в их роду, наверняка, были охотники за хитрыми и коварными сурками. Обижаться на тетю было невозможно, а по утверждению ее знакомых – и бесполезно. Но тетя тетей, а что нужно от него декану?

– Товарищ Сурков, – еще раз подчеркнул более низкий статус Жеки по сравнению с великим живописцем декан, – что происходит? Одни целуются прямо на территории института. А другие подглядывают за товарищами и пытаются дразниться из кустов. Что скажете, молодой человек?

Как назло, быстрый на язык Жека не мог придумать ни одного, достаточно приличного оправдания. И потому пришлось ляпнуть первое, пришедшее на ум:

– Я пытался птичку поймать.

Декан с каким-то ужасом посмотрел на Жеку и пробурчал себе под нос:

– Ну да, впрочем, к концу сессии и не такое случается.

Декан ушел, оставив Жеку размышлять о возможных последствиях неожиданного разговора. Но, и это главное, за время разговора Жеки с деканом исчез объект охмурения. А, значит, чары врага противоположного пола должны были вот-вот сработать. Мишка обнаружился в маленьком скверике. Он сидел на скамейке с глупой улыбкой на лице и поглаживал себя по щеке. Жека понял, что категорически опоздал.

А вот Женьку даже не записывали – его, по существу, на-

значили, самым первым, да вдобавок и старшим. Прибывший в деканат суровый мужчина лет под сорок пожал ему руку и, глядя немигающими глазами, заявил:

– Мы на вас надеемся, не подведите.

Кого и в чем – он не уточнял. А ведь в этом и состояла заковыка. Задачи – в тумане, способы реализации – в сильной дымке, кто поможет – завеса тайны. Точно известно только одно. В день отъезда он, Женька, должен приехать на час раньше и получить списки, какие-то справки и направления. А потом он будет отвечать: за порядок в автобусах, за размещение людей, за правопорядок на месте, за показатели их работы и выполнение плана, за карантин больных, за ... Ему был интереснее всего один вопрос – а за что он, собственно говоря, не будет отвечать? Впрочем, командовать мужиками ему было не впервой. Да и вокруг были только одни пацаны. Конечно, они уже убедились, что он для них добрый старший брат. Но ведь старший! И этим все сказано.

Женька собирался как в поход на дальний восток либо куда-то далеко на север. А кто его знает, что может пригодиться. Периодически в мыслях мелькала та, пушистая, чуть-чуть не сделавшая его тем самым человеком, который потом должен искать понимающую девчонку. Ну ладно, по крайней мере, лечение ему уже обеспечено. Женька полумечтательно улыбнулся. А потом по его спине начал волнами расходиться неприятный почти арктический холод – он все забыл. Даже не выяснил ее имя, где она живет и учится. А сейчас выяс-

нять уже поздно. Женька обхватил голову руками. А вдруг он приедет из колхоза, а она возьмет и выйдет к тому времени замуж или найдет нормального парня, который сразу выяснит, как ее зовут. Ну, так пускай она будет счастлива, а то рассчитывать на такого как Женька, откровенно глупо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.